

М.П. Гребнева

Н.А. Некрасов и Флоренция

Известно, что Некрасов побывал во Флоренции несколько раз: в 1856 и 1857 и 1867 гг. В письме к А.А. Буткевичу в Петербург из Венеции от 10 (22) сентября 1856 г. он сообщал: «Я завтра уезжаю из Венеции, дня три пробуду *во Флоренции*, отсюда в Рим, в Риме пробуду недели 3 и поеду в Неаполь, а где зимую – еще не решил» [1, т. 10, с. 293].

В. Жданов отмечал, что в 1857 г. «Некрасов с Авдотьей Яковлевной (Панаевой. – М.Г.) отправились в путешествие – поехали в Неаполь, где провели почти весь март, наслаждаясь весенним цветением природы. Особенно понравилось им Сорренто. Затем, ненадолго вернувшись в Рим, 11 апреля покинули его совсем. Путь их лежал в Париж. По дороге останавливались во Флоренции...» [2, с. 105]; в 1867 г. «во время путешествия – в Париже, во Флоренции, он раскладывал “свой рабочий станок”, усердно работая над “Медвежьей охотой”, начатой еще дома» [2, с. 182]. Точнее, в письме к Л.А. Еракову от 11 (23) апреля 1867 г. из Ниццы Некрасов размышлял: «Я бы непрочь здесь остаться и разложить рабочий станок, но наши дамы!.. В Рим хочется им, и мы послезавтра, в четверг 25, пускаемся в путь. Наняли ветурина в коляске четверней и будем следовать медленным ходом по Карниту до Генуи трое суток, а там, посидев два дня в Генуе, отсюда тем же медленным ходом до Специи, а отсюда уже по железной дороге *во Флоренцию*, куда и пишите *poste restante*» [1, т. 11, с. 84]. Далее писатель продолжал: «Посылать мне туда ничего не надо, я напишу, куда послать сигары. Если увидите Зубкова, скажите ему, что я из Ниццы выбыл. Поеду ли в Рим, не знаю – может быть, отправлю одних дам, а сам примусь за работу» [1, т. 11, с. 84].

Воспоминаний об этих поездках, а тем более литературных произведений, посвященных им, практически нет. Похоже, что это было сознательным жестом поэта по отношению к загранице вообще и к Флоренции в частности.

Подобное отношение к чужим краям запечатлелось в стихотворении с характерным для Некрасова названием «Дома – лучше!» (1868), навеянном поездкой по Франции и Италии в марте–июне 1867 г.:

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем не сравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересечь из коляски
И марш на охоту! [3, т. 3, с. 63]

Южную красоту он противопоставляет красоте северной в стихотворении «Если ты красоте поклоняешься»:

Снег и зиму люби. Красоту
Называют недаром холодною... [3, т. 3, с. 227]

Однако интерес к итальянцам и всему итальянскому сопровождал Некрасова в его литературно-критической и обычной жизни.

В «Отчете по поводу Нового года» (1845) Некрасов уделил много внимания итальянскому театру: «Искра, упавшая в порох, не так быстро воспламеняет его, как приезд итальянцев пробудил мирных петербургских жителей» [1, т. 5, с. 517]; «Не говорю о зале Большого театра, где прежде едва раздавалось хлопанье нескольких театралов (да и то более по причинам личным) и которая теперь ломится от тесноты и грохота рукоплесканий, – влияние, произведенное итальянскою оперою, отразилось и вне театра» [1, т. 5, с. 517]; «... словом, Петербург преобразовался в гигантский орган, исполняющий одни только итальянские мотивы» [1, т. 5, с. 517]; «Влияние итальянской оперы распространилось и на низшие классы» [1, т. 5, с. 518]; «Словарь итальянских слов, перешедших через личность русского человека, был бы теперь любопытнейшею книгою в Петербурге...» [1, т. 5, с. 518].

В «Автобиографических записках» (1872) он писал: «Желание поступить в университет меня не покидало. Пугала латынь. На Итальянской встретил в увеселительном заведении Успенского – профессора духовной академии. Оба пьяные. Ученый переводчик классиков для академии с откровенностью молодости рассказал о своей судьбе: “Я вас выучу латыни, приходите жить ко мне”» [1, т. 12, с. 12]; «Начались экзамены в университете. Латинист Фрейтаг был очень строг, но и он с латыни поставил мне 5» [1, т. 12, с. 12].

Не только Италия, но и Флоренция находилась в центре внимания Некрасова и его адресатов – русских литераторов. В посланиях писателя воспоминания о Флоренции оказываются очень скупыми. Самым «развернутым» из них представляется воспоминание, содержащееся в письме А.В. Дружинину в Петербург из Рима от 26 сентября (8 октября) 1856 г.: «Но, право, Венеция стоит того, что о ней писали разные великие и не великие люди. Волшебный город – ничего поэтичнее даже во сне не увидишь, наглотавшись хинину! *Флоренция* также недурна» [1, т. 10, с. 295].

От послания Дружинину веет каким-то благополучием, благополучием флорентийским: «От Венеции до Падуи 2 часа по железной дороге – здесь надо брать почту, и через полторы сутки Вы *во Флоренции* – проедете через Феррару (где взгляните клетку, в которой держали Тасса) и Болонью (где покушайте местной колбасы). *Во Флоренции* съел я первый хороший обед (“Hotel du Nord”) с тех пор, как выехал из России.

Жизнь изумительно дешева. – *Из Флоренции* до Рима берите почту и через 36 часов Вы в Риме» [1, т. 10, с. 296]. Во Флоренции Некрасов почувствовал себя как дома, может быть, поэтому, боясь собственных ощущений, он не рассказывал о ней и о них.

В письме И.А. Панаеву в Петербург от 17 февраля (1 марта) 1857 г. из Рима он сообщал: «Дело в том, что к 10 апреля я буду опять в Риме, пробуду тут с неделю – и потом *через Флоренцию*, Геную и пр. сухим путем поеду в Париж...» [1, т. 10, с. 322].

В послании Л.Н. Толстому от 26 февраля (10 марта) 1857 г. из Рима в Париж Некрасов давал отчет: «Исполняю мое обещание, извещаю Вас, любезный Лев Николаевич, что я 15 марта еду в Неаполь; дальнейший мой план такой: в Неаполе я проживу до 7 или 8 апреля и к Пасхе (10 апреля) ворочусь в Рим, где пробуду с неделю, и потом берегом *через Флоренцию*, Геную и проч. поеду в Париж...» [4, с. 85].

В письме Л.Н. Толстому от 31 марта (12 апреля) 1857 г. из Рима он уведомлял: «Я на днях выезжаю из Рима, буду *во Флоренции*, в Генуе, в Ницце, а к 1-м числам мая явлюсь в Париж» [4, с. 89].

В послании И.С. Тургеневу в Париж от 10 (22) апреля 1857 г. из Рима он обращался к адресату со словами: «Милый Тургенев! Завтра утром я выезжаю *во Флоренцию* и недели через полторы буду в Париже» [1, т. 10, с. 332].

20 декабря 1860 г. Некрасов адресовал письмо Н.А. Добролюбову, в то время находившемуся во Флоренции: «Знаете, я думаю, по возвращении Вашем Вам нужно будет взять на себя *собственно редакцию* “Современника”. Чернышевский к этому не способен, я располагаю большую часть года жить в деревне. Писания Вам будет поменьше, а хлопот побольше. Вам важны еще два–три года: надо их без натуги прожить, а там уж не умрете» [5, с. 258].

Флорентийская тема представлена не только в письмах, но и в прозе, стихах, критических статьях писателя. Она неразрывно связана с именем Данте.

Дантовские реминисценции, возможно, отчасти предопределили содержание фрагмента из повести Некрасова «Без вести пропавший пиита» (1840). Речь в ней идет о неудачливых поэтах, о бедняке Науме Авраамовиче и авторе трагедии в пяти действиях «Федотыч» Иване Ивановиче. «Федотыч» явно является пародией, если сравнивать эту трагедию с «Божественной комедией» Данте. Герой трагедии, узнав о том, что над ним подшутили, говорит: «Мне холодно, – я в ад хочу!» [3, т. 7, с. 57]. Автор «Федотыча» размышляет по поводу услышанного: «Но я должен сделать невеликое отступление. Что вы скажете насчет последнего стиха, произнесенного героем трагедии? А?! не напоминает ли он вам чего-нибудь такого великого, колоссального? Подумайте, подумайте!» [3, т. 7, с. 57]

В соответствии с логикой Некрасова «подсказка» Ивана Ивановича вряд ли может считаться таковой:

– Что, забыли! Помните ли вы сей стих из ямбической поэмы «Разбойники»:

Мне душно здесь – я в лес хочу!

– Что, как он вам кажется?

– Удивителен!

– Повторите теперь мой: «Мне холодно, – я в ад хочу!» [3, т. 7, с. 57]

Разговор напоминает беседу басенных петуха и кукушки:

– Что, не та же сила, гармония, звучность, меланхолия? Это просто пандан-с.

– Правда, правда; таланты равносильны... Но докончите скорей рассказ сюжета [3, т. 7, с. 57].

Равносильными нельзя считать не только дарования Ивана Ивановича и Пушкина, но и, по всей видимости, даже таланты таких колоссов, как Пушкин и Данте.

Итальянский вариант дантовской Франчески, возможно, представлен в повести Некрасова «Певница» (1840). Ее героиня первоначально напоминает ангела и зовется им: «Ты ангел!» – шептал он (граф Виктор Торский. – *М.Г.*), глядясь в ее очи. Она была прекрасна, чудно-прекрасна!» [3, т. 7, с. 73]

Ее превращению предшествовала вынужденная измена мужу: «Но он (час. – *М.Г.*) будет свидетелем моей мести!.. Там... в саду... он дожидается...» [3, т. 7, с. 75]. Под воздействием этой ситуации она превращается во Франческу: «Незадолго до настоящего дня дебютировала в первый раз новая певица Франческа, и слух о необыкновенном ее пении и красоте быстро разлетелся по городу» [3, т. 7, с. 78].

Возможно, с именем еще одного колосса, прославленного флорентийского художника Леонардо да Винчи, отчасти связан рассказ Некрасова «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К^о» (1850). Его герой наделен экзотическим именем Леонард: «Самого хозяина находившийся при нем человек, дюжий малый лет двадцати, называл Леонардом Лукичом, а провожавший его приятель (Турманов. – *М.Г.*) – Хлыщовым» [3, т. 7, с. 383]. Об итальянской «подоплеке» героя свидетельствует его интерес к музыке: «Надо заметить, что Хлыщов в Москве прикидывался страстным меломаном итальянской музыки и с пренебрежением отзывался о цыганах» [3, т. 7, с. 403].

Размышления о колоссах и пигмеях представлены также в стихотворениях Некрасова, в частности в «Деловом разговоре» (1851):

Я верю вам, когда бездарных стихотворцев
Преследуете вы, трактуя свысока
О рифме, о стихе, о формах языка,
Во имя Пушкина, Жуковского и Гете
Доказывая им, что хуже в целом свете
Не писал никто и что рубить дрова
Полезней, чем низать – «слова, слова, слова!»
(Привычка водится за всем ученым миром
Сужденья подкрепить то *Данте*, то Шекспиром)
[3, т. 1, с. 90].

Размышляя о судьбе поэта в стихотворении «В больнице» (1855), Некрасов дает портрет бездарного писателя, попавшего в лечебницу:

Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу –
Думал бедняга в храм славы попасть –
Рад, что попал и в больницу! [3, т. 1, с. 178]

Вид этого молодого человека вызывает безрадостные мысли:

Всем он читал свой ребяческий бред –
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о нет!
Думал я горькую думу [3, т. 1, с. 178].

Однако соображения Некрасова не лишены оптимизма, вопреки всем тяготам жизни:

Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое –
Не было б точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов –
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов! [3, т. 1, с. 178]

В стихотворении «Начало поэмы» (1864) Некрасов величает себя Поэтом:

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть *поэтом!* [3, т. 2, с. 165]

Он сознательно противопоставляет Россию Европе:

На Западе – не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных
В Германии я был как рыба нем,
В Италии – писал о русских ссыльных... [3, т. 2, с. 165]

Известно, что своих «Несчастных», поэму о русских ссыльных, Некрасов писал во Флоренции. Очевидно, что этот город вызывал творческий подъем у русского писателя, хотя он сам и не стал предметом изображения в его произведениях.

Противопоставление России и Италии, России и Флоренции просматривается и в сатире «Кому холодно, кому жарко!» (1865):

(Наша Муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет) [3, т. 2, с. 191].

Известно, что прославленными создателями сонетов были Данте и Петрарка, неразрывно связанные в жизни и творчестве с Флоренцией.

Ирония по поводу псевдоитальянского и околофлорентийского ощущается также в стихотворениях «Княгиня» (1856) и «Газетная» (1865):

Если только русский едет за границу,
Посылай в Палермо, в *Лизу* или в Ниццу,
Быть ему в Париже – так судьбам угодно! [3, т. 2, с. 26]

Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в *Лизу* –
И спасен многотомный роман! [3, т. 2, с. 203]

Флорентийские ассоциации возникают также в критических статьях Некрасова. В «Современных заметках» (1847) Некрасов пересказывает повесть Т.Ч. (А.Я. Марченко), состоящую из трех частей: «Леля», «Mr. Alexis», «Алексей Петрович». В ней, по всей видимости, иронически передана история отношений Данте и Беатриче. Критику импонировал подход, позволяющий разоблачить псевдофлорентийское начало во взаимоотношениях персонажей этой женской повести.

В первой части произведения героиня вспоминает: «Я его любила, как Дант любил Беатрису, – с другой любовью я не могу сравнить этого чувства. Мне дорог был час, в который я знала, что увижу его; для него я умела быть снисходительной, моя воля, прихотливая и порой упорная, гнулась, приноравливалась к его прихотям; я мучила себя, изобретая средства нравиться, и приходила в отчаяние, если они были недостаточны» [1, т. 9, с. 560]. Замужняя женщина продолжает грезить о своем возлюбленном: «Увижу ли я свою Беатрису?» [1, т. 9, с. 562].

Во второй части повести героиня и ее прежний возлюбленный оказываются в ролях Франчески и Паоло: «На другой день я читала книгу в беседке, когда пришел Алексис» [1, т. 9, с. 564]; «Мы принялись за чтение; но Алексис не читал: поминутно взглядывал на меня из-за книги и улыбался; я подшучивала над его вниманием к чтению. Мы смеялись оба; наконец, ни говоря уже ни слова, мы взглядывали друг на друга и улыбались» [1, т. 9, с. 564]; «Вдруг Алексис далеко отбросил свою книгу, быстро сел на скамейку подле меня, схватил мою руку и крепко, жарко поцеловал ее» [1, т. 9, с. 564].

Эту ситуацию можно сравнить с той, что представлена в пятой песне дантовского «Ада»:

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.

Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем;
Но дальше повесть победила нас [6, с. 29].

В ситуации, комментируемой Некрасовым, ее победы над героями нет: «Блажен, кто хоть раз, во всю бесцветную, многотрудную жизнь, испытал роскошь чувств, упоение страсти, блаженство любви, в ком кратковременность блаженства не позволила развиться чувствам более грубым и порочным, блажен, блажен!.. [1, т. 9, с. 566]

Данте, в отличие от Т.Ч., описывает победу ситуации над героями:

Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навеки скована терзаньем,

Поцеловал, дрожа, мои уста.

И книга стала нашим Галеотом!

Никто из нас не дочитал листа [6, с. 29].

В третьей части повести «возвышенная» ситуация превращается в нарочито сниженную, не имеющую ничего общего с Данте: «Отыскал какую-то допотопную знакомую (говорит герой жене. – *М.Г.*); но если бы не она, так мне не удалось бы встать из-за карт, чтобы поговорить с губернатором. Он человек нужный. Только ты вовсе не умеешь быть любезной с такими лицами» [1, т. 9, с. 569].

Некрасова явно интересует ситуация, представленная в этой женской повести. Не случайно он цитирует огромные и, по всей видимости, ключевые фрагменты произведения: «С тех пор мы не встречались. В душе моей нет оскорбления, злобы, негодования, презрения или грусти. Все изгладилось, все ровно и смирно. Но если солнце горячо пригреет обновленную землю, если знойное дуновение весеннего ветерка зашевелит листьями сирени, – мне отрадно и грустно, голова склоняется к груди, и теплая слеза падает на руку...» [1, т. 9, с. 569].

«В заметках о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасов писал: «Лучшая статья в этом номере “Отечественных записок” принадлежит г-ну Кудрявцеву. Она составляет продолжение статей его о Данте, начатых в майской книге. Нам показалась эта вторая статья несравненно лучше первой, где дело шло о политическом положении Италии в средних веках и о борьбе гвельфов с гибеллинами» [1, т. 9, с. 294–295].

Некрасов дает общую характеристику этой публикации: «Эта вторая статья г. Кудрявцева о Данте искренно обрадовала нас. Хотя она, как сам автор говорит, составляет собственно извлечение из недавно вышедших лекций покойного Фориеля о Данте, пополненное и другими источниками, но это извлечение сделано так прекрасно и с таким знанием дела, что для русской публики оно несравненно полезнее всех так называемых самостоятельных ученых трактатов, ис-

полненных схоластической темноты и доступных одним немногим специалистам. Даже язык и изложение автора показались нам несравненно выработаннее и отчетливее прежнего. Словом, это во всех отношениях прекрасная, полезная статья» [1, т. 9, с. 296].

Причем если первая статья Кудрявцева, по словам Некрасова, была политической, то вторая, по всей видимости, литературоведческая: «И какое интересное содержание: рыцарская поэзия, в которой отразились благороднейшие и поэтические стороны феодального общества и именно самой образованнейшей части его – Прованса, романтическая любовь, вдохновляющая провансальских рыцарей и трубадуров, – родственность итальянской цивилизации с Провансом, которая способствовала к усвоению Италией этого рода поэзии, наконец влияние рыцарской поэзии на итальянское общество и преимущественно на *Флоренцию* – родину Данте» [1, т. 9, с. 296].

Особо важно подчеркнуть влияние Флоренции на Данте, их неразрывную связь: «Все это вместе с изложенным в первой статье г. Кудрявцева политическим положением *Флоренции* образует среду, под впечатлениями которой воспитался и созрел дух Данте, характеристике которого, вероятно, будет посвящена следующая статья даровитого и трудолюбивого автора» [1, т. 9, с. 296].

В «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» Некрасов вновь демонстрирует интерес к дантовской тематике: «Да! мы забыли еще замечательное явление 1855 года, перевод дантова “Ада”. “Современник” изготавляет критический очерк о труде г. Мина, а между тем появление Данта в русском переводе побудило нас поспешить помещением статьи Карлейля о Данте» [1, т. 9, с. 374].

Создается впечатление, что внешне Некрасов Флоренцию игнорировал, возможно, боясь обвинений в непатриотизме, но внутренне она была близка ему, в этом городе ему было комфортно и как писателю, и как обыкновенному человеку.

Литература

1. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. – М., 1952.
2. Жданов В. Жизнь Некрасова. – М., 1981.
3. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. – Л., 1982.
4. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями :

в 2 т. – М., 1978. – Т. 1.

5. Живые страницы. Н.А. Некрасов: в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. – М., 1974.

6. Данте Алигьери. Божественная комедия. – Пермь, 1994.